

ВВЕДЕНИЕ

Несомненно, идея этой книги, возникшая еще в позднесоветские годы, была продиктована моим желанием изжить из своей души страх перед органами политического сыска, которые после революции 1991 года как бы нас отпустили. Этот «генетический» страх гнезвился в моем сознании всегда и был унаследован от поколений предков. При этом нельзя сказать, что страх этот для меня, мирного академического ученого, занимавшегося финансовыми проблемами XVIII века, не имел под собой оснований. Помню, как перед защитой диссертации, в 1984 году, меня «зацепил» так называемый «куратор» нашего института и стал назначать мне встречи для бесед в разных местах города. Довольно скоро стало ясно, что он вербует меня в стукачи. И тогда я запаниковал, я испытал то, что называется Великим Государственным Страхом, поражавшим моих предков. Момент для вербовки был выбран удачно: если я пошлю его по известному адресу, то моя защита может и не состояться — достаточно с Литейного позвонить моему оппоненту и порекомендовать ему не ехать на защиту. Идти же в стукачи было для меня также невозможно, и я довольно скоро оказался перед страшной дилеммой, перед которой оказывались многие герои этой книги: «И доносить

мерзко, и не доносить страшно» или в другом варианте: «Либо Отечество продать, либо бессмертную душу». Беседуя с «куратором», я видел, что он человек невежественный, неумный, явный неудачник, выполнявший свою работу халатно, говоривший о пользе стукачества для родины неубедительно, рутинно. Но при этом он был страшен для меня не сам по себе, а тем, что за его спиной стояло Государство, которое могло сделать со мной все что хотело. Все помнили историю Кости Азадовского, у которого во время обыска «нашли» наркотики и отправили на пару лет на Колыму, в сущности, ни за что — он, переводчик и преподаватель, не был ни диссидентом, ни террористом, а лишь адресатом писем своих многочисленных западных коллег-филологов! И я, пригвожденный Великим Государственным Страхом, не спал по ночам и маялся от тоски. Но постепенно я стал приходить в себя. Один из героев этой книги был приведен в Тайную канцелярию и от страха не мог говорить, а лишь стучал зубами. Мудрый начальник Тайной канцелярии генерал Ушаков велел посадить его в каземат, к другим бедолагам, чтобы он «обнюхался», обвыкся и спустя пару дней был уже пригоден для сыскной работы. Вот и я также «обнюхался», разобрался со своим Страхом. Было ясно, что судьба Кости мне не грозит, как и вообще необязательный для нормального человека опыт нюхания параши, что в худшем случае сорвется моя защита. Важно, что я намеревался защищаться по опубликованной ранее книжке, которая уже вошла в научный оборот. Так

что удар наносился лишь по моему тщеславию иметь степень и отчасти по карману — без степени меня бы не перевели в старшие научные сотрудники. И всё! Перемена моего настроения с этого момента была очевидна, в беседах с «куратором» я стал вести себя более свободно, даже развязно, позволял себе опаздывать на свидания, шутить. И он от меня отстал, защита прошла успешно, но испытанный мною Страх, промелькнувший надо мной, как тень пролетевшей огромной птицы, оставил в моей душе след и вылился в книгу «Дыба и кнут» — сублимацию Великого Государственного Страху, — которую двадцать лет назад я опубликовал в издательстве «Новое литературное обозрение». На тот момент история политического сыска как института по преимуществу внесудебного и незаконного преследования государственных (политических) преступников в XVIII веке не рассматривалась в таком объеме, исследование было новаторским. Прошли годы, но своей актуальности книга не потеряла, и я решил подготовить ее краткий популярный вариант, чтобы с темой познакомился широкий круг читателей. Было бы ханжеством сказать, что, работая над этой темой, я не думал о недавнем прошлом нашей страны и ее настоящем. Демоны политического сыска живы на Лубянке и Литейном, живы они и в сознании свободных граждан России.

Я мог бы посвятить эту книгу всем доносчикам русской истории, без упорного, творческого труда которых эта книга вряд ли была бы написана. Не будем забывать, что с изветов начиналось 99,9% политических

дел в России XVIII века. Однако такое посвящение будет понято как снобизм автора, а некоторые простые души даже поощрит к желанию именно так запечатлеться в будущей истории России. Поэтому я посвящаю эту книгу моим друзьям, коллегам, родным, в особенности моей жене Нине, которую я несколько лет безжалостно истязал рассказами об ужасах Тайной канцелярии и принуждал читать главы книги. Благодарен я также редактору книжной серии «Что такое Россия» Дмитрию Спорову и редактору этой книги Андрею Топычканову, которые взяли на себя тяжкий труд редактировать мой текст. С теплым чувством я вспоминаю сотрудников Российского государственного архива древних актов и в первую очередь заведующего читальным залом архива А. И. Гамаюнова. Однажды, видя, что я не успеваю до конца работы читального зала составить конспект по выданному мне делу, он взялся помогать мне. Это была обширная итоговая ведомость по приговорам, вынесенным Тайной канцелярией в 1730–1740-х годах. Проводив последнего читателя и погасив в зале верхний свет, Саша взял в руки ведомость и стал диктовать мне приговоры: «Урезать язык, сослать в Нерчинск», «Казнить, голову отсечь», «Бить кнутом, сослать в Тобольск», и так бесконечно — десятки и десятки приговоров. И казалось, что демоны Тайной канцелярии будто оживают в пустом, полутемном зале архива и окружают нас...

Летом 1749 года Бутырский пехотный полк был расквартирован в Москве, где в тот момент находился двор. Подпоручик этого полка Иоасаф Батурун решил использовать ситуацию и совершить переворот, тем более что двор и императрица часто находились за городом, в плохо охраняемых временных помещениях и шатрах. Действовать предполагалось решительно: после ареста императрицы Елизаветы и убийства графа Разумовского Батурун планировал вынудить высших иерархов церкви срочно провести церемонию провозглашения великого князя Петра Федоровича императором Петром III.

Батурун имел сообщников в гвардии и даже в лейб-компании. Он договаривался с работными людьми московских суконных фабрик, которые как раз в это время бунтовали против хозяев и могли бы, за деньги и посулы, примкнуть к заговорщикам. Батурун сумел даже подстеречь на охоте великого князя и во время этой встречи, которая привела наследника престола в ужас, пытался убедить Петра Федоровича принять его предложения. Петр утаил от Елизаветы Петровны встречу с Батуруным на охоте, чем невольно поощрил заговорщиков к активности — Батурун принял молчание великого князя за согласие.

Но заговор не удался, в начале зимы 1754 г. Батуруна арестовали и посадили в Шлиссельбургскую крепость. В 1767 г. он, расположив к себе охрану, чуть было не совершил дерзкий побег из заточения. Но заговор снова разоблачили, и Батурун был сослан на Камчатку. Там в 1771 г. он устроил-таки бунт. Мятежники захватили судно и бежали из пределов России, пересекли три океана, но Батурун умер у берегов Мадагаскара.